

Н.Л. Казначеева

КРИЗИС ТРУДА И КАПИТАЛА: ПРОЯВЛЕНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ

Проведен анализ современного состояния труда и капитала, в результате которого выявлены признаки социально-экономической деградации трудовых отношений. Показаны основные формы проявления кризиса между трудом и капиталом, а также обоснованы методологические детерминанты формирования новой модели социально-трудовых отношений, характеризующейся гармоничным сочетанием интересов всех субъектов рынка труда.

Теоретическое осмысление состояния социально-экономической транзитивности современного российского общества должно основываться на глубинном сущностном анализе трансформаций, происходящих в экономической сфере и прежде всего в социально-трудовых отношениях.

Смена форм собственности, провозглашение экономических и социальных свобод, становление рынка труда влекут за собой глубинные преобразования на макроуровне, влияют на все стороны жизнедеятельности, в том числе и на социально-трудовые отношения. Падение мотивации труда, неудовлетворенность социальным качеством жизни, обострение диспропорций в оплате труда, угроза безработицы, остановка в наращивании интеллектуального потенциала, осложнение отношений между людьми разных национальностей и многое другое усиливают общественную асимметрию.

В научной периодике последнего времени все чаще встречаются работы экономистов, социологов, философов, политологов, пытающихся осмыслить суть происходящего в обществе, оценить опыт реформы (экономической, государственно-правовой), осуществляемой в России в последнем десятилетии XX в.

Вряд ли будет успешной попытка опровергнуть наиболее распространенную характеристику результата реформ как приведшего к небывалой по своим темпам системной социальной деградации российского общества.

Форсированное проведение широкомасштабных, тотальных реформ привело к тому, что общество, где мало кто имел представление о сути правового государства и рынка, механизмах, обеспечивающих их функционирование, оказалось сначала полностью дезориентированным, а позднее – основательно деморализованным.

Дело в том, что инициатором перемен в России всегда было государство. Еще со времен Ивана Грозного начал складываться и особый механизм общественных преобразований с его отношением к населению страны как к вырабатываемому и потребляемому ресурсу. Используемые сейчас способы преобразований также адекватны жесткой логике индустриального общества, когда люди участвуют в массовом порядке, опираясь на мотивы и знания, выработанные не ими самими, а освященные авторитетом группового сознания. По существу, современное российское общество оказалось заложником

сложившейся еще в эпоху становления российской государственности специфической формы «общественного договора»: «государство обязано решать проблемы народа – народ обязан служить государству» [1. С. 3–28] (последняя интерпретация этой формулы – «раньше думай о Родине, а потом о себе»).

Однако такой способ преобразований репрессивен по отношению к индивиду. Он опирается на принцип переустройства бытия на основе знания, неважно какого: мифологического, утопического или научного, – важно то, что это знание и само преобразование ставятся выше естественного движения самой жизни реальных людей. «Преобразователь (вождь или партия) уподобляется архитектору, который, используя живых людей, как кирпичи, строит новое общество (неважно какое – коммунистическое или рыночное). Единичный интерес тотально поглощается всеобщим интересом» [2. С. 4–5]. На практике это проявляется в пренебрежении интересами индивида и самой его жизнью. Очевидно, этот механизм работает в результате традиционной для российской общественности установки на служение, когда значимость любой деятельности определяется исходя не из данной деятельности самой по себе, а из значимости другой сущности, того, для кого или для чего действует человек.

В этой связи вспоминается сентенция известного русского историка, которая заставляет нас всерьез задуматься о нашем образе мыслей и действий. В.О. Ключевский, объясняя причины неуспеха многих реформ Петра Великого, писал: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал самостоятельно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная» [3. С. 203].

В контексте общего отслеживания хода преобразований и влияния их на результаты социально-экономического развития формулу генезиса российского общества можно определить в виде «правила четырех Т»: «Все попытки тотального реформирования тоталитарного общества тоталитарными методами обречены на тотальный провал».

Итак, реформационный процесс столкнулся с неготовностью большей части нашего общества воспринять происходящие изменения.

При этом нельзя не видеть, что цена рыночных реорганизаций оказалась для нашего общества слишком высокой. Негативные последствия происходящих преобразований очевидны. Положительные же результаты, как для страны в целом, так и для большинства населения, представляются только в перспективе, да и то весьма сомнительными. Возник своеобразный кризис между свободой и необходимостью в принятии осуществляемых трансформаций.

Чтобы составить достоверное представление о причинах социального, социально-психологического и экономического кризиса и возможных путях его преодоления, необходим анализ не только институциональных преобра-

зований, а прежде всего формационных изменений. В частности, попробуем разобраться в глубинном смысле перемен в социально-трудовой сфере.

Очень часто высказывается мнение, что современная история России – это драма труда и капитала. Даже если отбросить некоторую пафосность этих утверждений, нельзя не признать, что глубокий кризис между трудом и капиталом очевиден и проявляется он в первую очередь как кризис собственности. Здесь можно выделить по крайней мере два момента.

Во-первых, реального превращения трудящихся в собственников, хозяев, как декларировалось в начале рыночных преобразований и процессов приватизации, ваучеризации и акционирования, не произошло. Так называемую общенародную собственность поделили (практически за бесценок) лидеры российского бизнеса, причем варварскими, присущими стадии первоначального накопления капитала, способами – по силе и произволу. В итоге, по выражению И.Е. Заславского, «произошло как бы огораживание наиболее доходных частей собственности (в их числе 500 крупнейших предприятий промышленности) от государства и народа в пользу выросшей из высших слоев директорского корпуса и государственного чиновничества промышленно-финансовой олигархии» [4. С. 48].

Более того, произошел передел собственности между ее новыми субъектами. Вероятным итогом этого процесса становится окончательное превращение бывшей общенародной и коллективной собственности в современную высококонцентрированную частнокорпоративную собственность. Доходы от приватизированной собственности сосредоточились в руках немногих капиталистов и финансовых магнатов. В результате этого в России сформировался целый слой так называемых олигархов, сверхбогачей. Так, по версии американского журнала «Forbes» в 2005 г. в число долларовых миллиардеров вошли 33 россиянина, общее состояние которых увеличилось за год почти в два раза – с 91 до 172 млрд долл. По числу миллиардеров Россия занимает 3-е место в мире после США и Германии. А Москва вышла на 2-е место после Нью-Йорка по количеству проживающих в ней миллиардеров [5].

Частный капитал владеет тем, чем традиционно пользовались наемные работники: социальной сферой предприятий, ведомственным жильем, частью оздоровительных, культурных и медицинских учреждений. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что в России низкое относительное финансирование здравоохранения (2,2% ВВП), тогда как по рекомендации ВОЗ оно должно составлять не менее 5–6%. По расходам на медицину Россия занимает 75-е место в мире, а по показателям здоровья населения – 127-е, уступая не только развитым европейским странам, но и развивающимся государствам Латинской Америки [6]. Все это свидетельствует о том, что население испытывает острую дискриминацию в личностном, социальном и правовом отношении.

Во-вторых, ускорилось социальное расслоение общества. Среди работающих велика доля низкооплачиваемых, в то время как 10% семей сосредоточили в своих руках 75% накоплений. Разрыв в уровне доходов (децильный коэффициент) достигает 15 раз [6]. Очень сильны также региональные различия в заработной плате. В отдельных регионах страны (Ингушетия, Калмы-

кия, Ивановская обл. и др.) более половины жителей имеют доходы ниже прожиточного минимума [7]. В целом почти четверть населения страны живет за чертой прожиточного (по сути физиологического) минимума. Но это лукавая средняя цифра. Что же представляет собой этот прожиточный минимум? Вместо прежней и без того небогатой «потребительской корзины» был разработан набор из 19 важнейших продуктов питания, именуемый физиологическим минимумом. Однако потребление этого набора продуктов даже в течение непродолжительного времени ведет к физической деградации. В период перехода к рыночной экономике, например, признано удовлетворительным потребление 27,5 кг мяса в год на человека, включая 700 г колбасы. Для сравнения отметим, что бюджетный набор взрослого работника в период разлухи после гражданской войны при переходе к нэпу предполагал 24 вида продуктов.

Таким образом, реформирование производственных отношений порождает не только движущие, но и тормозящие силы, препятствующие прогрессивному развитию социально-трудовых отношений. Отсюда следует важный политико-экономический вывод.

Общеизвестна такая закономерность: производительность труда не может расти без увеличения заработной платы, тогда как рост зарплаты может осуществляться и без роста производительности труда, роста капиталоемкости производства. Теоретическое обоснование данного вывода, например, у посткейнсианцев (Дж. Робинсон и др.) отличается от марксистского «классовым нейтралитетом» и упованием на добровольное осознание этого вывода крупными предпринимателями. На языке немарксистской политэкономии рост органического строения капитала, ускоренный рост доли постоянного капитала в сравнении с переменным выражается как «замещение труда капиталом». Однако с марксовых позиций в условиях господства рыночных отношений борьба классов за присвоение определенных долей общественного продукта имеет характер объективного экономического закона. Эта борьба коренится в экономических отношениях, а не носит только надстроечный характер. Правда, она сопровождается потерями рабочего времени в период забастовок и других акций по требованию выплат заработной платы, повышения ее уровня, роста занятости, а также уничтожением материальных ценностей во время акций социального протеста. Тем не менее логика требует признать легитимность с экономической точки зрения подобных явлений. Они имеют характер общественной нормы, а не аномалии и должны закрепляться законодательными актами (законодательным нормированием рабочего дня, оплаты труда и др.). Это обусловлено тем, что столкновение двух равных прав (в данном случае прав продавца и покупателя рабочей силы) всегда разрешается методом силы, в той или иной степени оформленным законом.

В условиях развала народного хозяйства, обнищания большинства населения главной проблемой является все же не бедность сама по себе, а равенство возможностей для населения в плане достижения определенных стандартов благосостояния. Вместе с тем надо понимать, что для значительной части населения нашей страны неравенство возможностей возникает в связи с кризисом ценностей и целей жизни, сформировавшихся в предыдущие годы.

Специалисты считают, что важнейшей особенностью российского менталитета является потребность в гармонии материального и духовного начал – в отличие от западного менталитета, более сосредоточенного на материальном и более свободном от духовного. Следовательно, экономические и финансовые интересы выступают не самоцелью, а инструментом включения в производительный труд основной массы трудоспособного населения. Именно тогда возникает массовая конструктивная деятельность.

Однако в действительности наблюдается замедление роста производительности труда. Происходит рост производственного травматизма, промышленных и транспортных катастроф. Все это – последствия первоначального накопления капитала.

В сложившейся ситуации весьма вероятным является переход от простого воспроизводства рабочей силы к суженному, понимаемому не только как физическое уменьшение числа трудоспособных граждан, но и как ухудшение ее качества. А в результате – разрушение рабочей силы, сокращение продолжительности жизни. Можно со всей определенностью констатировать, что кризис собственности переходит в *кризис эксплуатации*.

На промышленных предприятиях неудовлетворительные условия и охрана труда в значительной степени уравниваются низким качеством работы и трудовой дисциплины. Производственный и трудовой абсентеизм становится ответной реакцией рабочего класса на сверхэксплуатацию.

Источники инвестиций переходят из производства в сферу обращения и финансовой системы (чаще в форме биржевых спекуляций и финансовых афер). И тогда эксплуатация усиливается, перемещаясь в сферы ценообразования и торговли. Отсюда возникает известный парадокс, что производство неизменно падает, а товарооборот неизменно растет. Цены на основные потребительские товары и услуги увеличиваются быстрее, чем номинальная заработная плата. Расплачивается за это наемный работник, так как именно он является основным потребителем.

В связи с этим в последнее время в научный оборот включен термин «депревация», отражающий состояние ущербности, испытываемой индивидом или группой в ситуации недостаточности социальных условий, которые считаются социально приемлемыми (рис. 1). В результате жизненные силы у значительной части населения оказались сниженными, увеличилась смертность, сократилась рождаемость. Из-за низкой рождаемости и высокой смертности население России уменьшается ежегодно почти на 700 тыс. человек [8]. По оценкам демографов, если такая ситуация сохранится, население России в ближайшее десятилетие может сократиться на десятки миллионов человек. В целом это приводит к ухудшению условий воспроизводства капитала и рабочей силы, к сокращению массы живого труда. Не случайно в Послании Президента В.В. Путина [8] предложен целый ряд мер по государственной поддержке рождаемости, женщин, детей, семей дополнительным финансированием. Но эта финансовая поддержка государства должна сопровождаться продуманной политикой в целом в сфере социально-трудовых отношений и занятости.

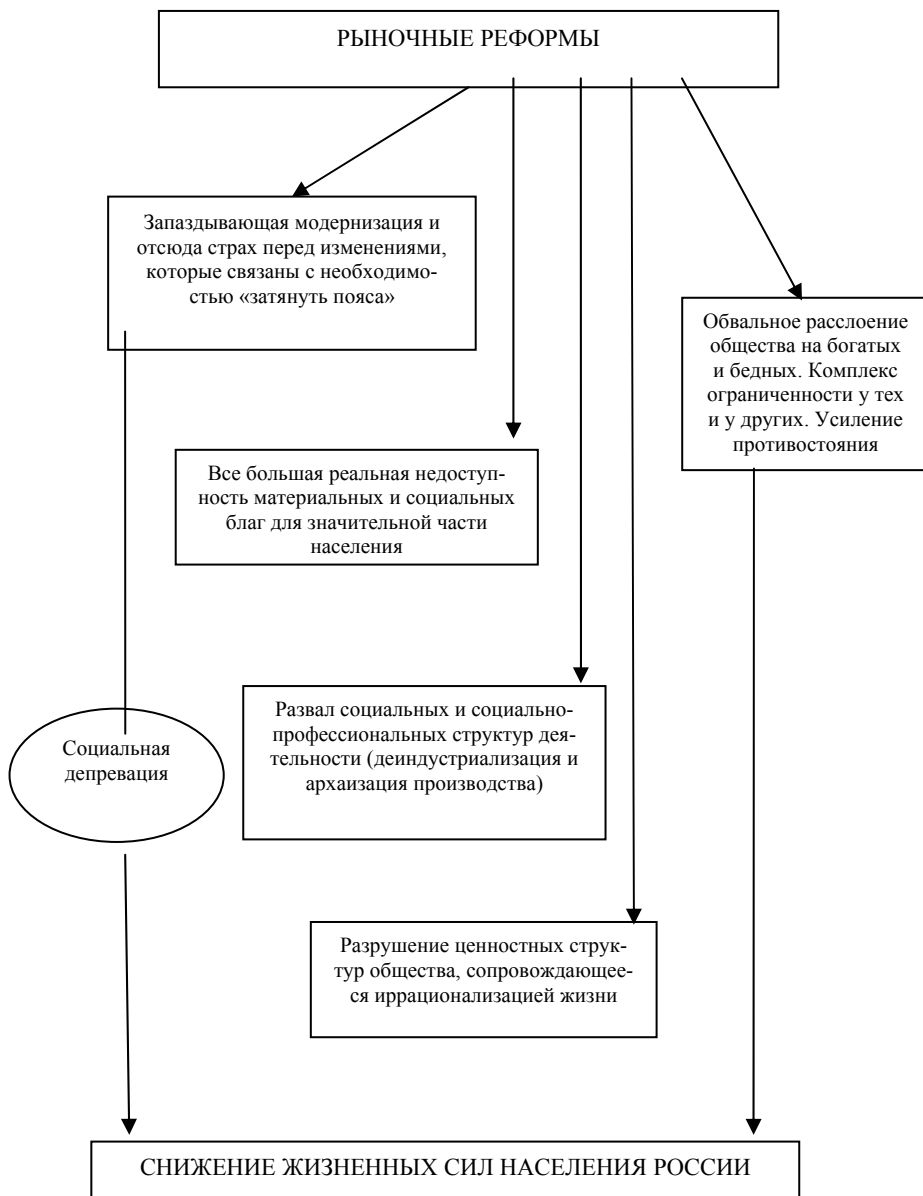

Рис. 1

И здесь следует иметь в виду, что отечественная беззанятость представляет собой довольно уникальное явление. Структурные изменения в обеспеченности населения работой вызвали обострение региональных проблем занятости. Существуют депрессивные районы, где уровень зарегистрированной безработицы в 3–4 раза выше среднего показателя по стране (в 47 субъектах РФ), в отдельных городах наблюдается массовая безработица.

Неизменно увеличивается продолжительность безработицы, особенно среди женщин. В настоящее время свыше 25% безработных не работают более 8 месяцев, что существенно превышает аналогичный показатель в странах с переходной экономикой. У каждого десятого безработного, зарегистрированного в службе занятости, период безработицы длится более одного года. Это весьма тревожный факт. Как показывает опыт западных стран, трудоустройство длительно безработных становится чрезвычайно проблематичным из-за потери ими профессиональных навыков и опыта работы. Многих из них уже не трудоустроить даже с помощью специальных программ занятости.

В обществе быстро вызревают паразитические иждивенческие настроения. Не работать и получать пособие становится выгоднее, чем работать. Гипертрофированные социальные гарантии превращают трудящихся в нахлебников капитала. В условиях государственной опеки безработных многие из них уже вообще не в состоянии работать: кто из-за явной трудонепригодности, а кто по причине растущего социального паразитизма.

Итак, нарастающие кризисные явления, противоречивость осуществляемых реформ напрямую затрагивают интересы большинства россиян, отражаются на их материальном благосостоянии, продолжительности, качестве и образе жизни, профессионально-квалификационном потенциале, степени трудовой и социальной активности. В то же время без активизации субъектов экономической деятельности, без усиления их мотивации к эффективной трудовой и хозяйственной деятельности нельзя стабилизировать социально-экономическую обстановку в стране. При этом одним из решающих условий развития российской экономики и общества в целом является эффективное использование человеческих ресурсов, в том числе их мотивационного потенциала. Этот вывод основывается на мировых цивилизационных тенденциях, связанных с изменениями воспроизводственной структуры и движущих сил социально-экономического прогресса. Так, Ф. Перру в своей работе «Новая концепция развития», указывает, что «одной из основных движущих сил всех форм развития является свобода индивидов в реализации их потенциала в контексте ценностей, которыми они руководствуются в своих действиях» [9. P. 180].

Однако кризис собственности приводит и к кризису мотивации к труду.

Так, к началу реформ массовое сознание в сфере труда характеризовалось в основном двумя группами ценностей – содержательностью работы и ее оплатой. Несмотря на господствовавшую официальную идеологию, человеку практически была безразлична общественная полезность труда, что можно, на наш взгляд, объяснить неэквивалентностью обмена между работником и государством как монопольным работодателем. В целом состояние ценностного сознания в сфере труда фиксировало наличие объективных предпосылок

кризиса. Основное требование к работе – заработок, способный обеспечить необходимый уровень благосостояния. Структура трудового сознания обусловила отношение к политическим и экономическим преобразованиям: концентрация внимания на распределительных отношениях и ожидание повышения жизненного уровня. Мотивация, основанная на «заработке», делает акценты на распределении и перераспределении уже созданного и имманентно не содержит стимулов к повышению эффективности производства.

Именно кризисные явления в сфере труда и действие внешних факторов поставили работника перед альтернативой выбора между содержанием и оплатой труда. Мотивацию труда деформируют не особенности сознания, а система управления трудом.

С начала же 90-х гг. выделился новый и единственный в настоящее время смыслообразующий мотив деятельности – «достаток». В иерархии ценностей достаток занял первое место. Замена в качестве базисного мотива «зарплаты» на «достаток» полностью соответствует нынешним реалиям.

Очевидно, что для частного труда основным фактором мотивации является его доходность. Поэтому «новый» производительный труд расширил свои границы далеко за пределы, определенные теорией трудовой стоимости. Но при этом важно, чтобы формировался трудовой потенциал, обеспечивающий эффективность производства.

Многие годы принцип коллективизма был главным и определяющим в нашей жизни. Работники держались и до сих пор держатся за свое рабочее место, за предприятие, за коллектив. Можно спорить о том, что лучше – рыночная экономика или коллективистская мотивация, но ясно, что осуществляемые в России реформы не обеспечивают включения в них больших масс населения.

Освобождаясь от тоталитарной зависимости, труд вступает в новые отношения с разгосударственным капиталом. Но и это обстоятельство вследствие специфики национального рынка труда привело к тенденциям, которые противоречат известным закономерностям динамики рынка.

По мере расширения нового экономического пространства и усиления давления системного кризиса все острее встает вопрос о формировании в условиях новой экономики человеческого капитала, обеспечивающего свободу труда. Таким образом, неоднозначность преобразований в социально-трудовой сфере обусловливается переходом от государственной регламентации занятости к свободному высокопроизводительному труду.

Противоречивость, антиномию наемного труда можно выразить так: «В России существует и не существует наемный труд». Теоретически доказуемо каждое из этих двух взаимоисключающих друг друга положений, имеющих свою собственную социально-экономическую материю. В пользу первого говорит, прежде всего, то, что главным способом соединения наемных работников со средствами производства становится рынок труда. Рабочая сила начинает взаимодействовать с капиталом как товар, и ее полезность определяется способностью к развитию капитала наряду с другими факторами эффективности. Противоречивые, конфликтные отношения труда с капиталом регулируются индивидуальными контрактами и коллективными дого-

ворами, отражающими конкретные условия обмена труда на капитал. И так, наемный труд становится органическим элементом постепенно формирующейся хозяйственной системы рыночного типа.

Однако правомерно и другое утверждение, представляющее собой как бы антитезу апологии наемного труда. В этом плане вполне можно согласиться с И.Е. Заславским, который отмечает: «В России нет еще такой свободы труда, которая присуща модели социального государства» [4. С. 80].

В целом есть множество свидетельств не силы, а слабости наемного труда. Например, огромное количество (даже по меркам развитых капиталистических стран) владельцев фиктивного капитала, не приносящего реального дохода. Поэтому только сверхэксплуатация дает возможность обогащения финансово-промышленной олигархии. К этому следует добавить такие явления, как неуклонное ухудшение жизненных условий пенсионеров, безработных, неимущих, а также низкий уровень реальной заработной платы, не обеспечивающий воспроизводства рабочей силы. Доходы работающего населения нашей страны далеки от уровня развитых стран. Если в странах Европы, в США и Японии заработная плата работников составляет от 60 до 70% ВВП, то в России доля заработной платы в ВВП не превышает 40–45%, а если её выразить в абсолютных величинах, то это различие будет уже в разы. Это и есть стоимостное выражение бедности нашего народа [10. С. 9].

Рассмотрим те обстоятельства, которые обусловили современное положение наемного труда.

Посттоталитарному государству было необходимо выработать механизм, облегчающий институциональные перемены в собственности и структурные сдвиги в экономике, а также найти возможный способ сосуществования «освобожденного» труда и разгосударственного капитала.

Таким образом, в области социально-трудовых отношений возникли новые проблемы. К ним относятся: расширение «теневой» занятости, латентность процессов, происходящих в трудовой сфере, чрезмерная дифференциация уровней оплаты труда, усиление правовой и социальной незащищенности, утрата заработной платой воспроизводственной и стимулирующей функций, падение престижа труда и проч.

Происходит экспансия кризиса на другие, ранее благоприятные сферы экономики – торговлю, банковскую систему, индустрию развлечений и т.п. Одновременно сокращается возможность вторичной и самозанятости, малое предпринимательство под налоговым гнетом порождает еще большую безработицу, растет криминализация на черном рынке труда. На смену альтернативному рынку приходит монополия на занятость без выбора и без оплаты.

В настоящее время ухудшается и положение других субъектов рынка труда – работодателей и государства. Наблюдается действительный кризис работодателя. Приватизация не сформировала ни рациональную психологию экономического поведения на микроуровне, ни механизмы эффективного использования самой собственности, ни стабильный воспроизводственный процесс.

Парадоксальное состояние отношений труда и капитала, несмотря на присущую им внутреннюю противоречивость, можно квалифицировать как

неустойчивое равновесие. Но длительное состояние неустойчивости вряд ли позитивно. Оно, по сути, безысходно, неопределенно, как «дурная бесконечность» (по Гегелю).

И здесь мы видим, что *труд и капитал не могут существовать друг без друга. Они взаимосвязаны. Такова их историческая судьба.* Вследствие дезинтеграции труда и капитала нарастает социальная напряженность, асоциальное поведение и общественный кризис.

Следовательно, *существует реальная проблема вывода трудовых отношений из состояния кризиса, формирования их новой модели, способной стать фактором социально-экономического прогресса и общественной солидарности. Именно такая модель должна лечь в основу регулятивного механизма ответственности. Суть ее состоит в следующем.*

Во-первых, безоговорочное признание рабочей силы товаром и приоритета свободы труда. Тогда работник, как хозяин уникального товара, имеет право на приоритетное положение на рынке труда, его цена формируется в зависимости от способностей, образования, квалификации, опыта. Это обеспечит и социальную либерализацию наемного труда.

Во-вторых, с позиций гуманистической парадигмы работодатель должен выйти на новую идеологию, а значит, на более высокий уровень, который должен выступать как феномен человеческой личности. Именно это изменит подход к формированию спроса на наемную рабочую силу, а контрагенты рынка труда будут выступать как социальные партнеры. Думается, это выдвинутое нами положение требует пояснения.

Дело в том, что в современных условиях далеко не все социально-экономические явления рыночных преобразований можно увидеть сквозь призму экономических категорий и понятий. На смену узкоэкономическому подходу должна прийти всеобъемлющая гуманистическая теория, объясняющая эти процессы как причинно-следственные связи. Эта концептуальная посылка обусловлена тем, что выход работодателя на рынок труда для удовлетворения спроса на рабочую силу в традиционном варианте к ожидаемому результату не приводит. Если представленный на рынке труда товар (наемная рабочая сила) рассматривается только как совокупность предметных и профессиональных навыков и умений, то оба контрагента – и продавец, и покупатель (работодатель) – по-прежнему остаются при своих локальных интересах и ни одна из сторон не реализует свои запросы.

Такой нетрадиционный подход, согласно которому уровень человеческой индивидуальности является базисной категорией, на наш взгляд, обусловлен объективной экономической и политической ситуацией. Довлеющая детерминанта человеческой личности, собственно, не является экономической категорией, но бесспорно оказывает непосредственное и экономически отслеживаемое воздействие на производственный процесс.

В свою очередь, феномен индивидуальности работодателя (руководителя предприятия), хотя является фактором субъективным, но определяющим формирование и спроса и предложения на рынке труда. Совершенствование качественных характеристик предлагаемой сегодня на рынке труда наемной рабочей силы произойдет только в том случае, если изменится подход к фор-

мированию спроса на этот товар. В результате произойдет смена устоявшихся негативных конвенциональных стереотипов мышления на позитивную гармоничную сублимацию. Считаем, что именно предложенная гуманистическая концепция позволяет отойти от некой виртуальной экономики с формальными рыночными признаками и сформировать хозяйственную модель, способную эффективно функционировать.

В-третьих, со стороны государства необходимы обязательное страхование от структурной и профессиональной безработицы, гарантированная полная и своевременная оплата труда.

Следует ввести в действие регуляторы свободного рынка, в частности механизмы социального страхования. Без страховых систем, социальных программ, благотворительности капиталистов рыночная экономика немыслима. Для ее построения необходима система наемного труда с надежным социальным страхованием, гарантиями занятости, цивилизованными трудовыми отношениями. С одной стороны (со стороны капитала), это означает, что государство должно поделиться частью собственности с трудящимися, вложить средства в их социальное и культурное развитие, поддержку малого бизнеса, а работодатели должны осознать, что средством повышения производительности труда является справедливая оплата труда. С другой стороны (со стороны труда), рабочим следует понять, что акции протеста и неповиновения не улучшат их положения, что необходима новая система независимых профсоюзов, способная отстаивать интересы трудящихся. *Равновесие между трудом и капиталом – одно из условий успеха реформ и преодоления экономической катастрофы.*

Дальнейшее же перерождение общества в новую постиндустриальную систему объективно изменит отношение собственников капитала к рабочей силе. Дело в том, что в условиях информационной экономики в руках рабочих сосредоточиваются слишком мощные производительные силы. В таких условиях предприниматель берет на себя решение проблем его квалификации, образования, ответственности, здоровья, то есть «хорошо работающий рабочий – это уже самодовлеющая ценность». Вокруг него разворачивается целая система социальных услуг, социальные цели доминируют над экономическими. Но пока новая система отношений между трудом и капиталом только формируется.

Характеристика сложившегося состояния наемного труда и капитала в транзитивной экономике дает основания для следующих выводов:

1. Идеологи рыночных преобразований провозглашали прогрессивные изменения в социально-трудовых отношениях. Это свобода труда, повышение трудовой мотивации и производительности труда, обеспечение качественных изменений уровня жизни и работающего населения. Упоывая на то, что «рынок решит все», обосновывалась лишь необходимость формирования институтов рыночного регулирования трудовых отношений (биржи труда, службы занятости, новые профсоюзы и т.д.). Однако следует констатировать, что за переходный период российская экономика находится от цивилизованных рыночных отношений в трудовой сфере, пожалуй, дальше, чем в начале реформ.

2. Сейчас со всей очевидностью состояние складывающихся социально-трудовых отношений можно квалифицировать как деградацию, которая характеризуется эклектичным сочетанием элементов разных типов рынков труда и моделей трудовых отношений.

3. Возникший в последнее время кризис в отношениях между трудом и капиталом требует формирования новой модели социально-трудовых отношений, характеризующейся гармоничным сочетанием интересов работника, работодателя и государства. Именно на этой основе можно преодолеть кризис солидарности и добиться компромисса труда с капиталом. Именно такая взвешенная конкретно-историческая мера реализации свободы и необходимости должна стать фундаментом, на котором формируются ценностные отношения в социально-трудовой сфере современной России.

Литература

1. *Кульпин Н.Э.* Генетические коды цивилизаций. М., 1995.
2. *Человек. Труд. Занятость: Научно-практическое периодическое издание.* Новосибирск, 1996. Вып. 1.
3. *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. 4: Курс русской истории. М., 1989.
4. *Заславский И.Е.* К характеристике труда в современной России // Вопросы экономики. 1997. № 2.
5. *Известия.* 2006. 13 марта.
6. *Российская газета.* 2006. 17 марта.
7. *Аргументы и факты.* 2005. № 50.
8. *Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию РФ.* 10 мая 2006 г.
9. *Perroux F.* A New Concept of Development. Paris, 1983.
10. *Экономические чтения.* Томск, 2006. Вып. 7.